

Александр Зорич

ПУШКИ
ПРОТИВ
МАГИИ

МОРПЕХ
ПОБЕДИТЕЛЬ МАГОВ

Пушки против магии

Александр Зорич

Морпех – победитель магов

«ЭКСМО»

Зорич А.

Морпех – победитель магов / А. Зорич — «Эксмо», — (Пушки против магии)

ISBN 978-5-699-79179-8

Новый роман признанного мэтра отечественной приключенческой фантастики Александра Зорича! Борьба с пиратством у берегов Сомали – привычная для морпеха работа. Отправляясь с борта фрегата «Ретивый» в рейд на остров Сокотра, где обнаружена пиратская база, старший лейтенант Сергей Щукин не волнуется: сила и правда на его стороне. Однако странный природный феномен, случившийся в ходе боя, лишает морпехов близкой победы. Щукин и его друг старшина Незванов обнаруживают, что попали в странное место – вокруг них восточный город в духе сказок «Тысячи и одной ночи». Торговцы волшебными зельями, боевые маги, василиски, саламандры и громадные циклопы... К счастью, автомат Калашникова и пулемет «Печенег» отлично работают и в незнакомой вселенной!

ISBN 978-5-699-79179-8

© Зорич А.

© Эксмо

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Глава 1. Добрый доктор с «Академика Вавилова»	9
Глава 2. Форт «Три дерева»	14
Глава 3. Подземелье	19
Глава 4. Что можно купить на пять рублей	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Зорич

Морпех – победитель магов

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *Н. Дихтяренко*

© Зорич А., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

*40 миль на зюйд-вест от Сокотры
Индийский океан, Аденский залив*

Надрывный ревун боевой тревоги одним рывком выхватил старшего лейтенанта Сергея Щукина из цепких объятий сна.

Щукин открыл глаза и, быстрее чем успел оглядеться, принялся шнуровать высокие ботинки. Со времен училища это действие стало для него рефлексорным как дыхание.

Его соседа по кубрику – замкомандира БЧ-5 Константина Филина – на месте не было.

«Видать, вахту стоит, согласно купленным билетам», – промелькнуло в сознании старлея.

В дверь вопросительно постучали.

– Да! – гаркнул Щукин осипшим со сна голосом. – Можно!

На пороге появился упитанный краснолицый сержант Шведенко, командир второго отделения. Его взгляд был озабоченным, и даже хищное жерло подствольного гранатомета «ГП-30» на его автомате глядело как-то особенно сердито.

– Товарищ старший лейтенант, по указанию капитана Баранова сообщая вам, что нас поднимают на настоящее дело. Это не учения, пойдем на пиратов.

– Да я понял по гранатомету твоему, что не на учения. – Щукин тер глаза кулаками. – Ты мне скажи: полным составом или как?

Шведенко деликатно подавил зевок и ответил:

– Похоже, полным. Вам приказано лететь с моим отделением на вертолете. Остальные отделения выбрасываются катерами...

– Ого! И катера, и вертолет... Не много ли гадам чести? – С этими словами лейтенант засупонился на все положенные застёжки комплекта полевой экипировки «Ратник» и, по давно выработавшейся привычке, попрыгал на месте – ничего ли не звенит? Ничего не звенело – за исключением, конечно, тестикул.

– Много чести, согласен. Но уж больно гады наглые попались. Сухогруз захватили!

– Наш?

– Наш. «Академик Вавилов».

Щукин присвистнул. Целый сухогруз! И не чей-то, а Российской Федерации! Вот это ЧП так ЧП!

Такое уже и по телевизору могут показать. «Авось и Ксюха увидит... И поймет наконец, дурында, какое счастье потеряла», – подумал Щукин с тоской.

Их транспорт – многоцелевой вертолет «Ка-62» – уже вовсю рубил лопастями студёный утренний воздух. Щукину показалось, что машина подпрыгивает, пританцовывает от нетерпения.

В широкий бортовой проем, обнаженный сдвинутой дверью, втягивался хвост второго отделения, командиром которого и был краснолицый Шведенко.

Щукин узнал тяжелую поступь гранатометчика Краснова, собранную походку снайпера Ковача и необъятные плечи сержанта Монины, заместителя Шведенко. За ними прошмыгнула щуплая фигурка переводчика со всех мыслимых местных наречий на сравнительно понятный русский, бывшего студента Университета дружбы народов Мустафы, фамилию которого из четырех кашляющих слогов ум Щукина просто отказывался запоминать.

Бронежилет болтался на Мустафе как мамин лифчик на пятикласснице – по меткому замечанию дяди Вовы, закадычного друга Щукина, несмотря на разницу в возрасте и званиях.

Сам дядя Вова, их ротный старшина, цедя нечленораздельный матерок сквозь сцепленные зубы, явился на сцену спектакля несколько мгновений назад. Квадратная челюсть, стрижка «ежик», веселые глаза гуляки.

В огромных лапищах он сжимал ценный реквизит – ручной пулемет «Печенег».

Щукин знал, что вообще-то дядя Вова больше любит бить из «крупняка», сиречь из 12,7-миллиметрового «Утеса». Но Баранов настоял, что на штурм «Вавилова», в придачу к уставовленному на борту «Ка-62» в шкворневой установке «Утесу», надо взять еще и тактически мобильный «Печенег».

«Небось начальство прорицает, что будем мы по трюмам шарить, зашкерившихся пиратов выковыривать», – подумал Щукин уныло. Это дело он искренне ненавидел. В частности потому, что большинство потерь – оно как раз в трюмах вот таких вот...

– Как сам, старшина? – спросил дядю Вову Щукин.

– Хуже, чем в пивной, лучше, чем на губе, – философически отвечивал тот.

– Что по поводу дела думаешь?

– Кончать надо болезных. И быстро, – сказал дядя Вова ласковым голосом доброго людоеда, указывая взглядом во мглистые морские дали, где обитали «болезные», то есть пираты.

– Быстро и быстрее быстрого, – согласился Щукин.

– Кореец. Красавец, – вынес вердикт дядя Вова и, картинно поднеся к губам пальцы щепотью, причмокнул.

– Где кореец?! Какой красавец? – вскинулся Щукин.

Никаких корейцев он на крыльях мостика захваченного сухогруза «Академик Вавилов» не наблюдал.

Два субъекта, вооруженные ржавыми «калашниковыми», были черны, как нефть, кучерявы и определенно не принадлежали к монголоидной расе.

– Я не про людей. Я про сухогруз, – пояснил дядя Вова снисходительно. – Он корейской постройки вообще-то. Их, таких красивых, целых четырнадцать штук для России на Инчхонских верфях наклепали.

– Откуда данные?

– Из открытой печати. Ты, старлей, тоже хоть иногда «Голос Севастополя» почитывал бы... Оно кругозор-то расширяет.

– «Голос Севастополя»! Кто ж мне дает? – Щукин покраснел – как всякий раз, когда приходилось бесстыдно врать. – Я когда до кают-компании добираюсь, там только телефонный справочник и остается. Да еще устав строевой службы... Все остальное – на руках!

Вообще-то в редакции «Голоса Севастополя» работала его девушка, Ксения. И Щукину, после недавней очень серьезной размолвки, которая, пожалуй, тянула на разрыв отношений, каждая буква в «Голосе Севастополя» напоминала о ней...

Разговор Щукина со старшиной, происходивший у приоткрытой бортовой двери с «Утесом» на шкворне, был прерван капитаном Барановым – командиром взвода и непосредственным руководителем операции по освобождению многострадального сухогруза.

– Товарищ старшина, ставлю боевую задачу, – обратился Баранов к дяде Вове. – Будете бить из пулемета туда, куда красными ракетами дадут целеуказание с катеров... Это понятно?

– Более чем.

– Без целеуказания не стрелять. Без моего прямого приказа тоже, – продолжал Баранов. – Когда обе группы с катеров поднимутся на борт и дадут нам «добро» на высадку, вы берете «Печенег» и идете замыкающим с отделением Шведенко, – с этими словами капитан махнул рукой в глубь транспортного отсека, где, подобно голодным стервятникам на утесе, восседали бойцы второго отделения.

– Так точно!

Пока капитан Баранов говорил, Шукин прогнал через свое воображение картинку самого ближайшего будущего.

Вот два штурмовых катера «Белуга» лихо подлетают к покрытым ржавыми потеками бортам сухогруза с обоих клюзов. Летят на палубу выстреленные из специальных линемётов концы. Лязгают о металл «кошки». Под прикрытием огня – ритмично щелкают по глухому фальшборту пули – наверх лезут стрелки из отделений кавказца Ачасоева и северянина Рытхэу...

Вот в этом месте, возможно, потребуется деятельное участие дяди Вовы и его «Утеса». Если пиратам вдруг покажется, что они имеют возможность напружинить хвост на русских морпехов, задача дяди Вовы – хвост им этот открутить...

Затем что?

Затем штурмовые группы понесутся по палубе к входам в трюм и к трапам, ведущим на надстройку.

В это же время пилоты завесят «Ка-62» над крышей мостика и настанет черед их отделения.

Впереди – бойцы Шведенко.

За ними – дядя Вова с верным «Печенегом».

И наконец он – Шукин. Несокрушимый, как Валуев, и невыносимо крутой, как Джейсон Стэтэм.

Ну и переводчик Мустафа – у него, Щукина, под мышкой.

Но реальность смело перечеркнула это батальное полотно.

Второй пилот, свесившись через подлокотник, заглянул в транспортный отсек и прокричал несколько слов.

Но что-то было не так – ни Шукин, ни Баранов не услышали ни звука в своих наушниках.

«Не слышу!» – жестом показал Баранов пилоту.

«Отбой!» – точно так же, на языке жестов, разъяснил пилот в ответ.

– Но почему «отбой»?! – заорал Шукин, пытаясь перекричать турбины.

«Всё потом!» – отмахнулся пилот.

Машина, заложив крутой вираж, легла на обратный курс.

Щукин, дядя Вова, Баранов и все отделение Шведенко с тоскою смотрели на то, как их чернокожие цели приплясывают на палубе от счастья и крутят вертолету факи.

Кривляющиеся пираты делались всё меньше, а Индийский океан вокруг – наоборот, всё неохватнее. Настроение неумолимо ползло вниз. Вопросы множились.

«Только зря разбудили», – зло подумал старлей Щукин, закрывая красные от перманентного недосыпа глаза.

Часть первая

Глава 1. Добрый доктор с «Академика Вавилова»

*22 мили на ост от Сокотры
Индийский океан, Аденский залив*

После ужина, неожиданно для всех, назначили совещание, на которое Щукину было невыносимо лень идти.

Мало что он ненавидел так люто, как говорильню.

Но он, конечно, пошел. Флот – это не то место, где что-то можно всерьез ненавидеть и куда-то всерьез не ходить.

Как оказалось, Щукин явился последним. Командир фрегата капитан второго ранга Васильчик уже хлебал из серебряной ложечки свой черный чай с лимоном, комвзвода Баранов чистил ногти засохшим жалом исписавшейся авторучки, дядя Вова, в миру старшина Незванов, сидел у иллюминатора с отсутствующим видом, а командиры отделений – Рытхэу, Ачасоев и Шведенко – образовали живописную группу на обитом искусственной кожей диванчике.

Щукин занял свободный стул рядом с дядей Вовой.

Однако его присутствие, казалось, ничего не изменило. Баранов молчал. Васильчик – тоже. От командиров отделений никто ничего другого и не ожидал.

– Кто-то еще должен прийти, я так понимаю? – спросил старлей дядю Вову шепотом.

– Дед Пихто, – пробормотал старшина бездумно. Мыслями он был далеко – на Графской пристани Севастополя, среди красивых барышень и лепечущих трогательную ерунду туристов.

Но тут на вопрос Щукина ответила сама жизнь: дверь распахнулась, и на ворсистый ковер кают-компании ступила нога в дырчатом кожаном ботинке ценою в четверть зарплаты Щукина. Это был прикомандированный к их фрегату на время боевой службы майор Грошев – офицер особого отдела штаба Черноморского флота.

За ним, словно тень за хозяином, вошел совсем незнакомый Щукину персонаж. Человеческих навыков старлей хватило на то, чтобы не обмануться: несмотря на загар, несмотря на арабский народный костюм, состоящий из тюрбана и длинной хлопчатобумажной рубашки, именуемой «галабея», перед ними был белый человек, причем русский, причем имеющий некоторое отношение к флоту. Уж больно уверенно он ступал по палубе, закоренело сухопутный люд так не умеет.

– Буду краток, – явственно подражая президенту, портрет которого красовался у него в каюте над фотографиями жены и дочери, начал Грошев. – Прервать операцию по освобождению сухогруза «Академик Вавилов» нас заставил ультиматум сомалийских пиратов. Мы думали, что экипаж корабля заперся в машинном отделении сухогруза, как это обычно происходит. Но главарь злоумышленников, некто Шейх Салем, который, конечно, никакой не шейх, а злостный рецидивист и отброс общества, – при этих словах особиста все присутствующие морпехи как по команде плотоядно ослабились, – вышел с нами на связь. Он заявил, что моряки взяты в заложники и, более того, вывезены с борта сухогруза в надежное место... То есть штурмуй мы сухогруз или не штурмуй, освободить экипаж мы не сможем.

– А, кстати, Гриша, можно вопрос? – вклинился кап-два Васильчик. Только ему позволялось перебивать такую шишку, как Грошев, и звать его «Гришей».

– Ну.

– Ты говоришь, заложники в надежном месте. Но кто в таком случае управляет «Академиком Вавиловым» и, главное, работает с судовой машиной?

Щукин, дядя Вова и другие одобрительно закивали. Вопрос был дельным.

Обычно ведь как? Пиратам еще хватает ума, чтобы управляться с навесной бензиновой тарактелкой на своем катере. Но вот уже справляться с исполинским, но таким нежным судовым дизелем им клепки недостает. И чему здесь удивляться, если маслопупской премудрости учат по три-четыре года в мореходках, тогда как многие из чернокожих робингутов и читать-то не умеют!

Вопрос, как показалось Щукину, поставил особиста в тупик. Он бросил ищущий взгляд на своего спутника в галабее, как будто тот должен был знать ответ. Но незнакомец лишь испуганно пожал плечами.

«Тоже переводчик, что ли? Или ученый? – подумал Щукин. – Уж больно дерганый...»

Но недаром майор Грошев столько лет просидел в штабе, лавируя между рифами разведслужбы и мелями оперотдела! Уж он-то умел изобразить компетентность на пустом месте.

– Об этом, Ваня, мы поговорим позже, – веско сказал Грошев, глядя на командира «Ретивого» с братской задушевностью. – А пока что главное – наших людей спасти... К счастью, благодаря доктору Уфимскому, – Грошев жестом конферансье показал на загорелого мужчину в тюрбане, – мы знаем, где их искать!

После этих слов общественное внимание удвоилось. Стало ясно, что помимо общих трали-вали прозвучит нечто действительно секретное. То, ради чего и впрямь имеет смысл собирать брифинги.

Получив порцию въедливых взглядов, доктор Уфимский начал свой сбивчивый рассказ: – Я вообще что... Ну два года уже на этих рейсах... В основном на «Вавилове»... Работы, честно говоря, немного... Одно-другое... Как-то раз был, правда, аппендицит... Но в основном отравления... Когда в Сингапуре том-ям всей командой ели в какой-то не шибко чистой забегаловке на берегу, пришлось четырех человек госпитализировать, дизентерия... Потом еще был вросший ноготь... Ой, извините, я, кажется, не о том...

– Ничего-ничего, мы всё понимаем, у вас стресс, нелегко пришлось, – с пылкостью любящей мамочки заверил доктора майор Грошев.

– Да, пираты, в общем... Я как раз давление мерил старпому, когда они на нас напали... Две лодки подошли. В каждой человек по пять. Наши, конечно, по инструкции... Запустили водометы. Одно, другое... Стали их отгонять... Они вроде даже отстали... Но тут подлетел из-под берега Сокотры еще третий катер, очень необычный... С такой как будто юбкой.

– На воздушной подушке, что ли? – догадался кап-два Васильчик, его лоб прорезала крутая морщина.

– Ну, наверное, – часто закивал Уфимский. – И вот с него как шарахнули по «Вавилову» из пулеметов! И сразу три водомета перестреляли... Ну, капитан наш, Головня его фамилия, по ним из табельного в ответ начал... Но что им его пистолетик, да? Они в десять стволов ответили! – Уфимский обвел собравшихся взглядом, в котором читался животный ужас. – В общем, захватили они нас...

Доктора вновь перебил Васильчик.

– Извините, конечно. Вы сказали «из-под берега Сокотры»?

– Да... Тут же других островов нет? Только Сокотра, верно?

– Да ясное дело, других нет! – взвился Васильчик. – Но международный маршрут движения для гражданских судов – он от Сокотры ой как далеко! Двадцать миль нордеее! Двадцать! Гребаных! Морских! Миль! – Васильчик воздел перст указующий к подволоку. – Чтобы вам было понятнее, это больше тридцати пяти километров! Вы Сокотру вообще видеть не должны были! Вам старпом, когда вы ему давление мерили, ничего такого не говорил?

Уфимский почесал затылок, словно что-то припоминая.

– Ну да, ну да... Он же потому и распереживался! Что-то говорил такое, дескать, с курса сбились, неполадки с приборами... Ну я не очень разбираюсь... Потом у него самого спросите.

– Спросим, конечно, – сказал кап-два, безмолвно добавив про себя: «Если будет у кого спрашивать».

Грошев, который выслушивал этот обмен репликами с выражением нарастающего недовольства, вдруг заговорил, точно закаркал:

– Хотя это не имеет прямого отношения к вопросу об освобождении заложников, для особо любознательных дам справку: как успел отбить радист «Вавилова», захват корабля произошёл в четырех милях к югу от западной оконечности Сокотры. Сухогруз занесло туда потому, что на нем одновременно отказали все три компаса.

– Быть такого не может, Гриша! – возмутился Васильчик. – Чтобы все три!

– Ты дослушай, Ваня! – майор предупредительно выставил руку. – Также у них какую-то ерунду показывала навигационная спутниковая система ГЛОНАСС.

– Полный пинцет.

– Но поскольку основным грузом корабля являются отечественные зенитно-ракетные комплексы «С-500» для наших африканских друзей из республики Нагония, лично я предполагаю, что перед нами заказной угон, к которому готовились чуть ли не с Новороссийска, откуда «Академик Вавилов» вышел десять дней назад...

Старлей Щукин и старшина Незванов заинтригованно переглянулись. Мыслимое ли дело: «заказной угон»!

– Товарищ Уфимский, расскажите, что пираты сделали, когда связали вас и экипаж?

– Я же говорю. Повязки на глаза намотали, посадили в лодку... Отвезли на какой-то остров. Как оказалось вскоре, на Сокотру. Там форт есть, «Три дерева» называется. Старый, португальский. Ну как форт... Скорее, руины... Но некоторые стены хорошо сохранились. Как и подземелья... В общем, в одно из таких подземелий они нас посадили.

– Связанными?

– Нет. Развязали. Им, я так понял, возиться с нами было лень. Это ж если связанными – кормить нас из ложечки, поить, в туалет опять же...

Присутствующие понимающе закивали. В туалет чужих дяденек водить – оно, конечно, то еще удовольствие. Особенно, когда по серьезному вопросу.

– Но вам, надо полагать, удалось сбежать? – впервые за все время подал голос капитан Баранов, который до этого мрачно молчал, скрестив руки на груди – ни дать ни взять маршал Жуков в дни операции «Марс».

– Да, удалось! – с вызовом ответил доктор.

– И как же?

– Я вот уже объяснял, – доктор кивнул на особиста.

– Просим повторить еще раз. Так сказать, на бис. – Баранов поглядел на Уфимского в упор своим фирменным стальным взглядом.

– Ладушки, мне не трудно... В общем, там, рядом с фортом португальским, есть соленое озеро. По сути, морская лагуна. Но она отрезана от открытого моря перемычкой старого кораллового рифа. В лагуне этой – большие глубины. Получается как бы такой вертикальный колодец, который вглубь уходит... От него – боковое ответвление, идет сквозь риф и открывается прямо в море... Если уметь – можно нырнуть в лагуне, а вынырнуть уже в открытом море. Насквозь тоннель пройти... Подобная штука в Дахабе есть, если знаете... Голубая Дыра называется.

– В египетском Дахабе, что ли? – Баранов прищурился.

«В египетском, в египетском, можно подумать, какой-то другой Дахаб есть», – подумал старлей Щукин, но из соображений субординации промолчал.

– Я знаю! – радостно воскликнул Шведенко. – Когда я школьником был, мы там с родителями отдыхали. У меня до сих пор футболка есть, «Хочу быть дайвером». Я в ней на даче картошку окучиваю.

Уфимский несмело улыбнулся и Шведенко, и Баранову, и далекой курской картошке.

– Прошу не отвлекаться, – Баранов поморщился. – Так я повторяю вопрос: товарищ Уфимский, вы имеете в виду тот Дахаб, который на Синае в Египте?

– Конечно, – доктор торопливо кивнул.

– Хорошо. А скажите мне, товарищ Уфимский, что с того, что тоннель там был, ведущий в море из озера? Вам разве пираты акваланг выдали, чтобы вы в заложниках не скучали?

– Мне акваланг не нужен. Я фридайвер.

– Фри что?

– Ну, ныряю без акваланга. Только с тем воздухом, который в легких. Как в фильме «Голубая бездна», не смотрели?

– Нет, – твердо сказал Баранов. Он в тот день был, что называется, бухой.

– Если не смотрели, объясню. Я десять лет занимаюсь фридайвингом, и мой личный рекорд – сорок два метра. Без акваланга.

Щукин присвистнул. Он погружался с аквалангом лишь однажды, но страху натерпелся на всю оставшуюся жизнь, после чего дал себе обещание никогда и ни за что больше. А тут чувак настолько крут, что вообще без акваланга обходится! На таких глубинах!

– С вашими навыками надо было не в доктора, а в спецназеры идти, – улыбнулся Васильчик.

– У меня трудовая династия. Папа судовой врач. Дедушка тоже...

– Династия – это аргумент.

– В общем, я так понял, что вы тоннель пронырнули как фридайвер, – констатировал Баранов без тени улыбки.

– Да.

– А потом?

– Доплыл до рыбацкой лодки, там по ночам местные кальмаров ловят... Я и сам на их свет плыл, как кальмар... В общем, отдал им свои часы... А они за это меня отвезли на материк. Там я уже до полицейского дошел, в посольство позвонил...

– Неужели номер наизусть помнили?

– Что вы! Полицейский для меня нашел в справочнике... Ну дальше вы знаете.

Уфимский сел. По лицу его градом катил пот – и это несмотря на то, что кондиционер в кают-компании работал на полную.

Вниманием собравшихся вновь завладел Грошев. Всё то время, пока доктор Уфимский вел свой рассказ, он сидел в углу и корчил рожи, словно хотел показать, что тот рассказывает всё не то, не так, не в тех выражениях и не с теми акцентами. Теперь, к счастью, он имел возможность исправить все ошибки докладчика.

– Я тут что хотел подчеркнуть? Что наши ребята, по-видимому, живы. И что пираты полностью уверены, что спрятали их надежно. А потому охрана там совсем несерьезная. Человек пять-шесть. Конечно, закладываться надо на дюжину. Но в любом случае это нам по зубам без посторонней помощи...

– Так что, на Сокотру пойдём? – Баранов мигом повеселел.

– А варианты? Мы же не сможем отбить «Вавилов», пока не освободим экипаж! Террористы обещали, что если мы предпримем попытку штурма сухогруза, они убьют всех! – Грошев развел руками. И, повернувшись к капитану корабля, спросил:

– Ваня, твой прогноз, за сколько дойдем до восточной оконечности Сокотры?

– До восточной оконечности Сокотры или до границы территориальных вод за восточной оконечностью Сокотры? – уточнил въедливый Васильчик. – Тут вопрос в том, мы за горизонтом прячемся, чтобы нас с острова видно не было, или нам без разницы?

– Да, от визуального обнаружения надо бы скрыться, – таков был вердикт Грошева.

– Понял. Тогда нам следует заложить еще крючок, чтобы обойти район лова кальмара. Там в это время слишком много рыбаков. Спалимся, как пить дать... Короче, к исходу следующих суток в район выйдем... Это устраивает?

– Вообще-то дело не терпит... Но с другой стороны – нам второго вертолета дожидаться надо.

– Это зачем еще?

– Затем, что по моему плану экипаж «Вавилова» мы будем эвакуировать с Сокотры на вертолетах. Так надежней. А то что-то смущает меня эта их хрень на воздушной подушке, которую доктор упомянул... Очень уж быстроходная.

– То есть вы нам еще и морской бой пророчите, товарищ майор? – мрачно ухмыльнулся Баранов.

– Перестраховаться никогда не повредит, – пожал плечами Грошев. – Пираты – это люди, у которых вместо головы фейерверк. И ты никогда не знаешь, когда начнется шоу...

Глава 2. Форт «Три дерева»

Остров Сокотра

Индийский океан, Аденский залив

Доктор Уфимский, фридайвер, тоже находился с нами.

И, я так понял, был ни секундошки этому не рад.

Чувака, конечно, можно понять. Вначале попасть в заложники, потом совершить отважный побег, и всё это под страхом погибнуть от пули пиратов. Добраться наконец до своих и тут... И тут выясняется, что это еще не хеппи-энд! И что растреклятый форт, из которого ты только что ускользнул, надеясь никогда не увидеть его вновь, ждет тебя пождет.

Как же так получилось, спросите вы? Что доктора Уфимского чуть ли не силой заставили принять участие в операции по освобождению заложников из форта «Три дерева»?

Во всем был виноват Баранов, который – и это я заметил еще во время нашей первой встречи с Уфимским – доктора сразу невлюбил.

Баранов сказал примерно следующее. У меня во взводе в боевом выходе должно быть два фельдшера. А по факту – имеется только один. Если вдруг что случится с нашим единственным фельдшером Жереховым, кто окажет помощь раненым? А где взять второго фельдшера? Правильно. Негде. В общем, пойдете с нами.

Бедолага Уфимский бросился было к Васильчику с жалобными воплями – вы командир корабля, первый после бога, прекратите этот произвол.

Но Васильчик, представьте себе, поддержал Баранова! Дескать, верно капитан говорит. Заодно, сказал, поможете им на месте сориентироваться, чтобы они цистерну с этой вашей лагуной не перепутали...

Кстати, о цистерне.

Это, чтоб вы знали, а я сам теперь знаю, вовсе даже не большая железная бочка для воды или горючки. Цистернами в странах Востока называют совсем другое. А именно: копаные бассейны, обложенные камнем, где накапливается дождевая вода.

Классическая цистерна имеет еще полукруглый кирпичный свод над бассейном – чтобы вода не испарялась. Но, в принципе, с разрушенным кирпичным сводом или почти без него – тоже цистерна.

Пресная вода у них на Востоке на вес золота. Поэтому к цистернам отношение серьезное. В каждой крепости, в каждом форте такие есть обязательно.

Имелась цистерна и в форте «Три дерева». Вот как раз неполная такая цистерна, с разрушенным кирпичным сводом.

К ней с холма – не знаю как его называли йеменцы, но мы обозначили его на картах Ананасом, за внешнее, понятно, сходство – спускалось русло пересохшего ручья.

Всё это важно. Потому что по плану мы через это русло должны были проползти. И в цистерне, где воды было от силы по пояс, собраться для броска...

В общем, лежу я, старлей Щукин, на вершине холма Ананас.

Смотрю в прибор ночного видения на форт.

Вокруг цикады разрываются. В далекой рыбацкой деревушке брешут собаки.

Со мной два наших лучших снайпера – Ковач и Мохов. И пара стрелков для прикрытия. Мы со снайперами считаем цели. То есть открыто расположенную живую силу противника. То есть пиратов.

У меня получается пять голов.

У Ковача – шесть.

Такая вот арифметика.

Где правда? С кем?

Переползаю к Ковачу. Смотрю с его точки. Может, кто-то под лопушком затаился? Да, правда, затаился.

Есть шестой. Маячит на вершине квадратной башни форта. Башен там, кстати, две, как доктор и обещал. Одна квадратная, а другая – круглая. И повыше. Так вот на высокой – никого. Только флаг пошевеливается под ночным бризом. А на низенькой – часовой.

Жестами распределяем со снайперами цели.

Кого положить в первую очередь, кого во вторую, а кому и до третьей пожить можно.

Смотрю на часы. Два ноль восемь. Хорошо идем.

Нажимаю кнопку на своей «Ромашке», и Баранову уходит короткий шифропакет. Дескать, все в ажуре, шеф, цели идентифицированы, готовы действовать.

Тут же получаю добро.

У снайперов ВСС – винтовка снайперская специальная «Винторез». Вы спросите, а зачем еще? Чем она лучше СВД – «Светки»?

А я отвечу: у «Винтореза» глушитель. И не простой, а интегрированный. Составляет единое конструктивное целое со стволом. Бьешь из «Винтореза», валишь духа, а остальные вообще не понимают, почему он упал. Может, сердечко прихватило?

Короче, командую снайперам «огонь».

Те спокойные, как удавы, – по лицам вижу.

Первыми Ковач с Моховым валят часовых с самой близкой к нам стороны цитадели. (Я так специально рассчитал: их остальные не видят и всполошиться, по идее, не должны.)

Вижу в прибор, как зеленые вертикальные пятна складываются в знаки вопроса и оседают на землю.

Затем настает черед оставшихся часовых. Их еще четверо.

Расчет пулемета берет на себя Ковач, а Мохов занимается праздношатающимся придурком на квадратной башне. Мохову же достается и шестой, самый дальний от нас субъект, который крутится у пристани.

Пристань эта почти так же важна для нас, как цитадель форта.

Она проброшена над отмелью мертвого кораллового рифа до его живой кромки, к губине.

Именно к ней подойдут наши катера, чтобы забрать нас, когда все кончится.

А как же вертолеты, спросите вы?

А у вертолетов есть пассажиры поважнее. Освобожденные заложники и морпехи из сопровождающего их первого отделения. Также вертолеты обычно вывозят убитых и раненых. Но мне лично хочется верить, что таковых у нас не будет.

Я люблю верить в хорошее.

В общем, часовых перестреляли почти без приключений.

Только один пират – тот, который валандался на пристани, – не был убит наповал первой пулей, и кажется, что-то даже закричал, но шум прибора погасил его вопли. А Ковач с Моховым слаженно довершили дело.

Потом мы быстро – всем взводом – вышли на ближний рубеж.

Я спустился вместе со штурмовым отделением в цистерну.

Параллельно нашему выдвигению капитан Баранов и два десятка морпехов схоронились в северной финиковой роще.

Тут надо пояснить важное: форт «Три дерева» не имел полноценной крепостной стены. Точнее, при португальцах-то, пятьсот лет назад, стена, конечно, была. Но потом местные

козопасы растащили кладку на свои курятники (а, впрочем, почему только курятники, на жилые дома тоже растащили, как я убедился очень скоро).

Народ на Сокотре хороший. Только свое свободное время очень ценит и тесать новые камни ни за что не станет... Не португальцы совсем.

В итоге вместо нормальной стены новые арабские хозяева окружили форт полутораметровой изгородью из черт знает чего.

Где-то в нее пошла глина.

Где-то сухие пальмовые листья.

Где-то коровьи кизяки. Короче, сельская община и ее мегатехнологии...

Внутри этого, с позволения сказать, периметра попали не только круглая да квадратная башни цитадели. Не только цистерна да соленая лагуна, из которой доктор Уфимский совершил свой рекордный заплыв с подныриванием под коралловый риф, но и царица местных полей... Нет, не кукуруза, а финиковая пальма. Аж целых две плантации пальм – одна побогаче, другая поплюгавей.

Первая находилась вплотную к цистерне. А та, что поплюгавей, произрастала на юге от цитадели.

Ну а те три дерева, которые дали имя форту? Это небось тоже были пальмы?

Нет, не пальмы.

Приподнимаюсь я, значит, над краем цистерны и вижу, что сбоку от нее, из нормального, к слову, кирпича, сложена стена. А из-за нее выглядывают интеллигентные такие веточки.

Что за деревья? Абрикосы? Сливы?

Не понять. Листьев вроде как вообще нет. Видно только, что на веточках ленты развешаны. Разноцветные небось. Но в темноте точно не видно, какие. Видно только, что ленты.

Деревьев, увитых лентами, было три.

Вот именно в честь этих деревьев форт и назвали.

Возвращаюсь к диспозиции.

Я, восемь архаровцев Ачасоева и дядя Вова с пулеметом «Печенег» – в цистерне.

Баранов, доктор Уфимский, фельдшер Жерехов, переводчик Мустафа и еще двадцать морпехов – в северной пальмовой роще. То есть, в принципе, по соседству с нами.

Как по мне, половина там была – лишние. Их вообще можно было в рейд не брать.

Но – кого именно не брать? Линейное отделение Шведенко? Или «тяжелое» отделение Рытхэу? Ведь у Рытхэу в отделении и два гранатомета вместо одного, и реактивные огнеметы «Шмель», и даже АГС – автоматический станковый гранатомет!

Как знать наперед: или на нас пятнадцать придурков в трениках россыпью побегут, или вдруг ржавая бронемашина прикатит? Какой-нибудь, прости господи, «Сарацин»?

Оттого и потащил Баранов столько баранов, уж извините за грубый каламбур.

И вот мы снова обменялись с комвзвода кодами.

И вот мы пошли.

Гуськом, плотненько, как какой-то антитеррористический спецназ.

Вообще-то это не наша тактика. Но в том рейде я хотел, чтобы наши силуэты широким фронтом не маячили.

Даже самый старый прибор ночного видения, купленный мелким гаденышем на аденской барахолке за тощую пачку соточек, мог решить судьбу нашего рейда, предоставь мы затаившемуся наблюдателю возможность узреть шевеление наших тушек.

Лидирующий группу дядя Вова – а по смыслу нашей тактики на нем вместо большинства наворотов и примочек «Ратника» висел тупо второй броник с керамическими плитами толщиной в ногу дистрофика – бодро взбежал вверх по сложенным из ракушняка ступенькам. Взбежал – и слился со стеной квадратной башни цитадели, утонул в тени.

Мы, один за другим, проделали то же самое, и вот уже нет нас, мы тоже стали стеной.

Теперь – обежать башню кругом, открыть или вышибить дверь.

Вперед ушли всё тот же дядя Вова и ефрейтор Гена Гладкий.

Вместо штатного автомата я разрешил Гладкому взять только легкий пистолет-пулемет «Кедр», ведь его основной боевой нагрузкой в том рейде была пятикилограммовая корабельная кувалда, позаимствованная мною лично у красы и гордости БЧ-5 фрегата «Ретивый» механика-двигателя Задорожного.

Если верить доктору Уфимскому, все мы находились в каких-то трех разнесчастных метрах от заложников.

Как такое возможно? Да очень просто! У форта имелись обширные подземелья, расположенные прямо под двумя уцелевшими башнями. В них и томился экипаж «Вавилова»: капитан злополучного сухогруза, старпом, суперкарго, двигателисты, крановщики... В общем, все за исключением сбежавшего доктора Уфимского.

Я в последний раз изучил в прибор ночного видения окрестности и, не обнаружив никакого подозрительного движения, тихонько пиликнул в рацию Гладкому, чтобы начинал.

Ефрейтор как следует размахнулся и обрушил кувалду на деревянную дверь.

С первого же удара она разлетелась в щепу.

Внутрь заскочил дядя Вова, поводя стволом пулемета из стороны в сторону.

Внутри башни было пусто, и старшина маякнул мне, что можно заводить людей.

Быстрой перебежкой я и два стрелка со мной присоединились к дяде Вове. Остальные бойцы отделения остались снаружи под началом своего командира Ачасоева, как и было предусмотрено нашим планом.

Выяснилось, что никакого люка, ведущего в подземелье, здесь, в квадратной башне, нету.

Дело в том, что доктор не смог точно разъяснить, где именно следует нам искать вход в подземелье. (Сам он, с его слов, выбирался каким-то хитрым, тесным подземным лазом. Настолько тесным, что, исходя из описания доктора, через него не смогли бы проползти экипированные бойцы.)

Вместо люка сыскалась еще одна хлипкая дверь. Ей даже кувалда была ни к чему – дядя Вова высадил препятствие ногой.

За ней открылась крытая галерея, уводящая в соседнюю башню.

Соваться в эту узость, вдобавок легко простреливаемую, мне не велели инстинкты. Но возвращаться не велел долг!

«Вперед», – показал я.

В башне нас ждали двое. Один краше другого.

На том, что справа, еще сохранились остатки одежды – шорты с майкой – и имелся нательный крест. На левом никакой одежды не осталось, а его череп и кости были чистенькими, беленькими, как на продажу.

Да, это были человеческие скелеты. Их приковали к кладке башни тяжелыми цепями. Точнее, приковали-то еще живых людей...

«Интересно, чем проштрафилась эта парочка?» – подумал я. Очевидную версию, что перед нами заложники, за которых так и не заплатили выкуп, мне проговаривать, даже про себя, не хотелось...

Я поймал взгляд дяди Вовы, исполненный смутной тревоги, и мне сразу стало ясно, что мой боевой товарищ подумал о том же самом.

Самих-то скелетов ни он, ни я, ни мои парни, конечно, не боялись.

Я вообще скажу вам: мы, морпехи, не из пугливых. Тот же Гладкий в пьяном виде любит порассказывать, что не боится даже ядерной войны.

Дурак, конечно. Нашел чего не бояться. Ядерной войны я тоже не боюсь.

А чего должен бояться русский морпех? Ну, без вопросов: очередного перекраивания штатов родной части. После которого он, морпех, останется без должности и получит от любимого флота под зад коленом.

Вот на эти страхи и закладывай лихо болт по пьянке!

Глава 3. Подземелье

Остров Сокотра

Индийский океан, Аденский залив

Вход в подземелье нашелся за каменной выгородкой позади скелетов. (Я так понял, когда поостыл, что их туда повесили специально, чтобы нервных граждан от этого входа сразу отваживать.)

Мы спустились по высоким источающим холод ступеням вниз, присвечивая себе невидимым для простых смертных светом инфракрасных фонарей.

А поскольку ступали мы совершенно бесшумно, как учили, то наше явление для спящих страдалыцев-морячков с борта «Вавилова» было сродни нашествию злобных демонов ночи.

Один даже с испугу закричал. Причем не классическое «помогите!» и не героическое «русские не сдаются!», а нечто длинное и непечатное.

Ай-яй-яй, совсем политморсос у ребят просел...

Чтобы поднять этот самый политморсос, я включил обычный желтый фонарь и подсветил им свое честное русское лицо. К слову, гладко выбритое.

– Меня зовут Сергей Шукин. Я старший лейтенант морской пехоты Черноморского флота. Мы пришли сюда специально за вами. Раненые есть?

Всё это я сказал очень тихо, почти шепотом.

– Да, двое, – ответил седой усатый мужчина лет пятидесяти пяти из темноты, щурясь встречью лучу фонарика. – Я капитан.

Что характерно, капитан отвечал в полный голос. То ли был твердо уверен, что пираты нас не услышат, то ли сам факт нашего появления в подземелье воспринял как указание на то, что пиратов мы всех перебили.

– Идти могут?

– С нашей помощью... Кажется, какая-то инфекционная дрянь.

– Значит, это не раненые, а больные, – сказал я.

– Да какая, к черту, разница, – устало огрызнулся капитан. Было видно, что они нас, мягко скажем, заждались. А поэтому радоваться нашему появлению у них уже не осталось сил.

Я на сердитого капитана не пенял. Окажись я в его шкуре, я тоже вряд ли предстал бы перед спасателями Сахаром Медовичем.

От меня требовалось задать последний принципиально важный вопрос, и можно было начинать вывод заложников на свет божий.

– Весь экипаж сухогруза здесь? – спросил я. – Или кого-то пираты содержат отдельно?

– Все, кроме доктора. Тот, кажется, смог сбежать... О его судьбе мы ничего не знаем, – сказал капитан.

– С его судьбой все норм, – усмехнулся я. – Собственно, это он нас к вам и привел.

– Ну, слава богу! А то мы уж всякое думали...

Я обвел фонариком всё помещение. На меня смотрели изможденные, грязные, небритые люди. Но глаза на их лицах были живыми, исполненными света и надежды, и какими-то, что ли... родными.

Есть моменты в нашей профессии, ради которых стоит ею заниматься.

Этот был одним из таких.

Проблемы начались, когда первая гражданская физиономия показалась в дверном проеме квадратной башни.

И проблемы очень серьезные.

Южная финиковая роща – доселе элегически безмолвная и подчеркнуто торжественная в серебристом звездном свете – взорвалась адским огнем.

Ливень пуль обрушился на древние камни башни, высекая яркие искры и порождая опасные рикошеты.

Закричал раненый ефрейтор Гладкий. Скрючился от боли старпом «Вавилова» – пуля пробила ему бок.

Бойцы Ачасоева сразу же ответили. Под прикрытием их огня в башню отполз дядя Вова. Он тоже, к слову, не забывал посылать в рощу лучи любви и добра калибра семь шестьдесят два.

Через минуту ваш покорный слуга, вжимаясь во вспотевшие предутренней росой камни, доложил Баранову:

– Командир, засада! Не меньше десяти стволов! Вывести заложников не могу. Прошу помощи.

– Десять стволов? Но доктор же говорил, что... Впрочем, какая на хер разница теперь. Жди, сейчас что-то придумаю.

Пока Баранов придумывал, а дядя Вова искал огневую позицию на круглой башне, я прокачивал ситуацию.

Ситуация рисовалась в самом черном свете.

Даже если бы «тяжелое» отделение Рытхэу обладало способностью выжечь из огнеметов и гранатометов южную рощу до состояния эталонной человеческой лысины, на это ему потребовалось бы немало времени. А пиратам достаточно одного стрелка, чтобы держать под огнем выход из квадратной башни и полностью блокировать вывод заложников!

Пока отделения Шведенко и Рытхэу будут воевать, мы потеряем время. Встанет солнце, вместе с этим уйдут наши тактические преимущества, гарантированные внезапностью и приборами комплекта «Ратник». Старпом умрет от потери крови, а ефрейтор Гладкий возненавидит весь мир, потому что боль огнестрельного ранения – вещь серьезная.

Что же делать?!

А вот что: если нас обстреливают с юга, а Баранов ждет нас рядом с цистерной на севере, значит, надо... уходить на север! На север! Используя башни цитадели как прикрытия от вражеского огня!

Но что для этого требуется?

Пробить дыру! Только бить ее надо не в башнях – велика опасность получить камнепад на свою буйну головушку – а в той галерее, которая башни соединяет!

Сказано – сделано.

Я подозвал к себе Ачасоева и поставил задачу.

– Так что, взрывать? – спросил командир отделения неуверенно.

Да, Ачасоев был полон сомнений, и я его понимал. В самом деле, герои голливудского боевика достали бы из широких штанин вездесущую «пластическую взрывчатку Си-4» и, наклепив ее в количестве парочки жевательных резинок, проделали бы в любой стене брешь диаметром в железнодорожный тоннель.

Но в жизни-то, дорогие друзья, чтобы каменную кладку ломать, взрывчатки больше надо. А взрывчатка ударную волну дает. Да такую, что в закрытом помещении можно от обширной баротравмы и загнуться. А никакой возможности переждать взрыв на свежем воздухе у нас не было, свежий воздух очень уж хорошо простреливался...

– А варианты? – осведомился я.

– Можно еще подкопаться под стену саперными лопатками, – предложил Ачасоев. – Но только копать мы будем до завтра...

С минуту мы с сержантом напрягали мозги и сделались похожи на два чайника на грани закипания. Пока не застонал в очередной раз раненый ефрейтор-молотобоец Гладкий и я не вспомнил про наше пятикилограммовое чудо нанотехнологий имени механика Задорожного.

– Попробуешь кувалду? – спросил я.

– Попробую! – обрадовался Ачасоев. – Только кувалда эта, товарищ лейтенант, сейчас под обстрелом...

Ачасоева я никогда особо не любил, но именно поэтому я ни за что не хотел допустить, чтобы с ним по моей вине случилось что-нибудь непоправимое. И мысль о том, что его придется прикрывать огнем с вершины башни, не вызвала во мне внутреннего отторжения.

– Когда я бахну из подствольника, – сказал я, – дуй ползком за кувалдой. Мы со старшиной в два ствола причешем этих охламонов... Но сам понимаешь, у тебя будет максимум секунд пятнадцать.

– Постараюсь уложиться, – кивнул Ачасоев, сделав сосредоточенное лицо.

Я позаимствовал у младшего сержанта Елеферина ручной пулемет «РПК-74 М» и присоединился к дяде Вове на вершине круглой башни.

Тот как раз менял патронную коробку своего «Печенег».

Процедура эта, к счастью, незатейливая. И потому через пять секунд мы уже распределили сектора огня, и я бахнул из подствольника зажигательной гранатой ровно в центр пальмовой плантации – туда, где проходила воображаемая разграничительная линия между нашими с дядей Вовой трудовыми деланками.

Сосредоточившиеся под пальмами супостаты хотя и получили уже на орехи от бойцов сержанта Рытхэу, разгромленными себя явно не чувствовали.

Шесть призрачных силуэтов ползли на запад, явно намереваясь просочиться к сухому руслу, ведущему к цистерне, чтобы обстрелять гранатометчиков Рытхэу во фланг.

Я машинально отметил, что эта паскудная шестерка может перещелкать и заложников, когда они дадут стрелка от цитадели к северной финиковой роще.

Но в ту секунду отвлекаться на них мы не имели права – на кону стояла жизнь сержанта Ачасоева!

Так что пришлось мне обрушить всю мощь своего «РПК» на пулеметный расчет в моем секторе ответственности.

Что же до дяди Вовы, то его «Печенег» взялся перепыхивать рощу под носом у пятерых придурков, которые, и это я заметил сразу, волокли некий подозрительно тяжелый предмет.

Каждая третья пуля у нас была зажигательно-трассирующей. Поэтому мы сразу же подожгли подложку из сухих пальмовых листьев – она запылала, да так ярко и сочно, что на ум полезли самые апокалиптические сравнения.

В свете оранжевых языков пламени я увидел, что громоздкая ноша пиратов является не чем иным, как... станковым гранатометом «СПГ-9» «Копье». Нашим, отечественным – зацените, какова подлость! Ну кто мог знать, что за 50 лет «Копье» распространится по всему миру не хуже «Калашникова»!

А в следующий миг по нашей огневой позиции ударили вражеские автоматы. Так что я был вынужден спрятать голову за каменным зубцом башни и заняться заменой магазина в своем «РПК».

К счастью, Ачасоев обернулся очень шустро и снизу до моего слуха донеслись первые удары кувалды.

Как я и надеялся, сложена галерея была то ли небрежно, то ли очень небрежно.

Поэтому с десятого удара камни начали вываливаться из стены один за другим (об этом мне сообщил по рации сам Ачасоев, которому один из этих камней умудрился упасть на ногу, вызвав лавину нецензурщины).

Я предупредил Баранова о том, что уже через пару минут ему предстоит принять освобожденных заложников, и описал надвигающуюся угрозу:

– С запада цитадель обходит группа пиратов. Вы должны отсечь их огнем где-то сбоку от цистерны.

– Не вижу ни черта, – раздраженно ответил Баранов. – Мешает эта их драная изгородь! Можешь захерачить по ним трассирующими, дать целеуказание?

– Попробую, – вздохнул я, Мистер Незаменимость.

То, что на наших с дядей Вовой плечах теперь повисла еще и эта шестерка нехристей, мне не нравилось совсем. Стоило тащить с собой всё отделение Рытхэу, чтобы в итоге за всех отдувались комвзвода и старшина роты!

Баранов как будто почувствовал мое настроение и сказал:

– Я сейчас гранатометчиков к холму переброшу. Они помогут. Но трассирующими ты все равно шмальни!

– Да шмаляю, шмаляю.

Башня, которую мы с дядей Вовой оседлали, была, напомним, скорее руиной башни.

На юг из нее открывался пристойный обзор благодаря двум проломам, через которые мы и вели огонь.

А вот западная часть башни, как назло, сохранилась лучше. И мне, при моем среднем росте, выцелить крадущихся вдоль изгороди супостатов было нелегко... На что бы взобраться, чтобы стать повыше?

Как я ни напрягался, кроме широкой спины дяди Вовы ничего не вырисовывалось.

– Ты серьезно, что ли, полезешь? – испуганно спросил старшина, когда я изложил ему свой план.

– Ну.

– Какой-то цирк голимый, по-моему.

– По-моему, тоже. А кроме цирка что предложишь?

– Да не знаю я!

– Вот именно. Поэтому прошу тебя как друга: встань на четыре и потерпи минуту.

– Будешь должен, – зло буркнул дядя Вова и обреченно опустился на четвереньки.

Но даже одной минуты мне судьба не предоставила.

Я успел только выглянуть поверх края каменной кладки и узреть в прибор ночного видения горячее облачко дыхания над изгородью.

Затем я выпустил, целясь на метр ниже облачка, полмагазина своего «РПК».

И тут же за моей спиной жахнуло!

Да так жахнуло, что я свалился со спины дяди Вовы и покатился кубарем.

«Станковый гранатомет!» – блеснуло в мозгу объяснение.

Но нет, это был еще не «СПГ-9» «Копье». А всего лишь усиленная тротиловыми шашками осколочно-фугасная граната из легкого «РПГ-7».

Увесистый реактивный снаряд «Копья» ударил в башню пятью секундами позже, когда я пытался докричаться по рации до Баранова.

От взрыва, казалось, раскололись небеса.

Я ощутил, что площадка башни уходит из-под ног.

Прямо перед моими глазами, как в замедленной съемке, проплыл «Печенег» дяди Вовы. Одна за другой протащились разноцветные гильзы в ленте. Лунатически пролетели стертые подошвы сапог старшины...

Потом, вероятно, мое сознание на несколько секунд выключилось. А когда я начал снова воспринимать реальность в нормальном, а не замедленном темпе, я обнаружил, что свет моего налобного фонарика скользит по стенам подземелья, куда мы неумолимо проваливаемся вместе с обломками клетки, в которой держали наших заложников...

Обнаружилось, что подземелье имеет еще один, нижний этаж, и весь он занят арсеналом местных пиратов.

Мой захмелевший от контузии взгляд скользнул по американскому тяжелому пулемету «Браунинг М2» на внушительной треноге, затем по ящикам с французской тарабарщиной, по ровным рядам оперенных реактивных снарядов, спутать которые невозможно было ни с чем, по дырявым ведрам с проржавленными звеньями пулеметных лент...

А в следующий миг я обнаружил, что на меня с грохотом валится высокий стеллаж, с которого сыплются патроны россыпью и гаечные ключи, металлические масленки и колба с подозрительно ярко светящейся зелено-голубой жидкостью.

«Надо Баранову срочно... По рации... Обо всем сказать», – промелькнуло у меня в сознании.

Я повернул голову и увидел дядю Вову, который лежал на полу, раскинув руки крестом. Лицо у него было мучнисто-бледным, на щеке кровила солидная ссадина. Глаза его были закрыты.

«Жив? Только бы был жив!»

Но помочь ему я не успел. Сверху меня накрыла звенящая лавина боеприпасов, и последнее, что я видел, была та самая колба с зелено-голубой флюоресцирующей жидкостью, емкостью литров эдак в десять.

«Сейчас разобьется», – подумал я и под звон осколков утонул в незнакомом, ни на что не похожем густом и плотном сиянии.

Глава 4. Что можно купить на пять рублей

Координаты уточняются

Когда я открыл глаза, вокруг была разлита такая беспросветная темень, что я испугался: а вдруг я умер? И сейчас черти подхватят меня под микитки, поволокут прямо в ад, ведь, конечно, есть за что...

Но потом я понял, что не умер я, нет.

Потому что, когда «умер», ничего не болит.

А у меня, например, болела пятая точка, она же задница. Потому что в нее упиралось что-то твердое и острое.

А еще у меня ныла правая нога, заваленная кирпичом. И было мне холодно. И хотелось в туалет, отлить. Разве хочется после смерти отлить?

Рядом со мной громко застонал дядя Вова. Мне даже показалось, я разобрал слово «отвали». Кому он говорил?

Мне вдруг стало любопытно. Я сел и включил фонарик.

И – вздохнул с облегчением.

Слава богу, дядя Вова тоже был жив. Мы с ним находились в том самом помещении, куда провалились после взрыва.

Оружейные ящики, высокие стеллажи, пулеметы, гранатометы и самое разное барахло, незаменимое в солдатской жизни...

Стены помещения были изобильно украшены на вид древними и достаточно художественными фресками. Никаких подобных росписей я, перед тем как потерять сознание, не запомнил. Но это, в общем, и не удивляло. Не до грибов нам тогда с дядей Вовой было. То есть не до фресок.

– Отвали, говорю, – сомнамбулически, не открывая глаз, простонал дядя Вова.

Его чуть одутловатое лицо с густыми котиковыми бровями, в бодрствующем состоянии имевшее либо картинно мужественное, либо глобально озабоченное выражение, теперь было по-детски простодушным. Будь я бабой, я бы обязательно по этому поводу умилился, как они это умеют. В духе: надо же, какой симпатичный!

Я потряс дядю Вову за плечо и сказал тихо, но отчетливо:

– Товарищ старшина, воздушная тревога.

Сработало. Дядя Вова рывком уселся, стяхнув с одежды мелкий кирпичный бой и прочий мусор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.